

Я вас люблю

По знаку судьбы, в литературной энциклопедии эти фамилии идут одна за другой. Семен Израилевич ЛИПКИН — прекрасный поэт и блестящий переводчик классической поэзии и народных сказаний с таджикского, калмыцкого, узбекского, кабардинского, киргизского языков. Лауреат гамбургской Пушкинской премии. Инна Львовна ЛИСНЯНСКАЯ — тонкий лирик, автор нескольких поэтических книг. Об их творческой жизни известно предостаточно. А вот о жизни совместной — а точнее, об известном им одним секрете «уживания» — знают гораздо меньше.

Инна Львовна: Некоторые думают, что мы с Семеном Израилевичем пишем в одной традиции. И жестоко ошибаются. Может быть, это покажется вам банальным, но мы с ним — абсолютные противоположности. А противоположностям суждено сходиться.

Инна Львовна и Семен Израилевич. Он и Она, встретились в Доме творчества писателей в Малеевке. Встретились — познакомились. Все началось с невинной вредной привычки: в том далеком январе 67-го оба курили. Инна Львовна частенько говорила: «Покурим, Семен Израилевич?» Эта фраза и стала залогом их будущего союза. Семен Израилевич давно бросил курить, Инна Львовна, к его неудовольствию, и сегодня «бешено» курит. Но если необходимо обсудить что-то серьезное, оба вспоминают: «Покурим, Семен Израилевич?» Усаживаются и начинают разговаривать.

Она: В свое время я часто раздумывала — почему мы встретились, почему полюбили. Ведь у каждого в то время были свои семьи и своя устоявшаяся жизнь.

Семен Израилевич был очень хитрый ухажер: все время мне внушал, что я некрасива. Это меня удивляло и даже возмущало. Все время вспоминала строчки из Ахматовой: «Если ты у ног моих положен, ласковый, лежи». И думала: подожди, придет время, и ты будешь у моих ног. (Смеется.)

Он: Сам не знаю, как я мог быть так груб. Скорее всего, оборонялся от зарождающегося чувства. Я ведь старше Инны Львовны на целых семнадцать лет. Когда мы познакомились, не понимал, что меня к ней потянуло. Я как раз пережил некоторое личное разочарование и почему-то сразу доверил Инне Львовне, малоизвестному человеку, свои переживания.

Она: Меня же в первую очередь поразило у Семена Израилевича. По мне, так глубокость убивает всякую любовь, самую страстную. И только ум ее поддерживает и освещает.

Мы на самом деле совершенно противоположные натуры. Семен Израилевич педантичен и аккуратен, я, к сожалению, совершенно разбросанна. Но мы идем друг другу навстречу: за те тридцать лет, что мы вместе, я, например, стала аккуратней и в доме, и во времени, и в стихах.

Он: Ты исчерпала тему. (Смеется.) Конечно, у нас, как и у всяких людей, бываю споры. Но никогда не бывает бытовых разладов. Инна Львовна более тверда в своих убеждениях, я более либерален. Нельзя забывать: помимо того что мы муж и жена, мы еще и литераторы. Не скажу — поэты, именно литераторы. Которые не только уважают, но и ценят друг друга.

О Семене Израилевиче и Инне Львовне ходят разнообразные симпатичные слухи. Например, рассказывают, что когда у кого-то из них выходит новая книжка стихов, они дарят ее друг другу с трогательными надписями. Оказалось, так и есть. Более того, прочтя сборник Инны Львовны «Из первых уст» Семен Израилевич сочинил резюмирующую надпись: «Книгу прочел... Что живее отрад, в чем пониманье обоих заветов? Все! Заключаю тебя в первый ряд нынешних русских поэтов».

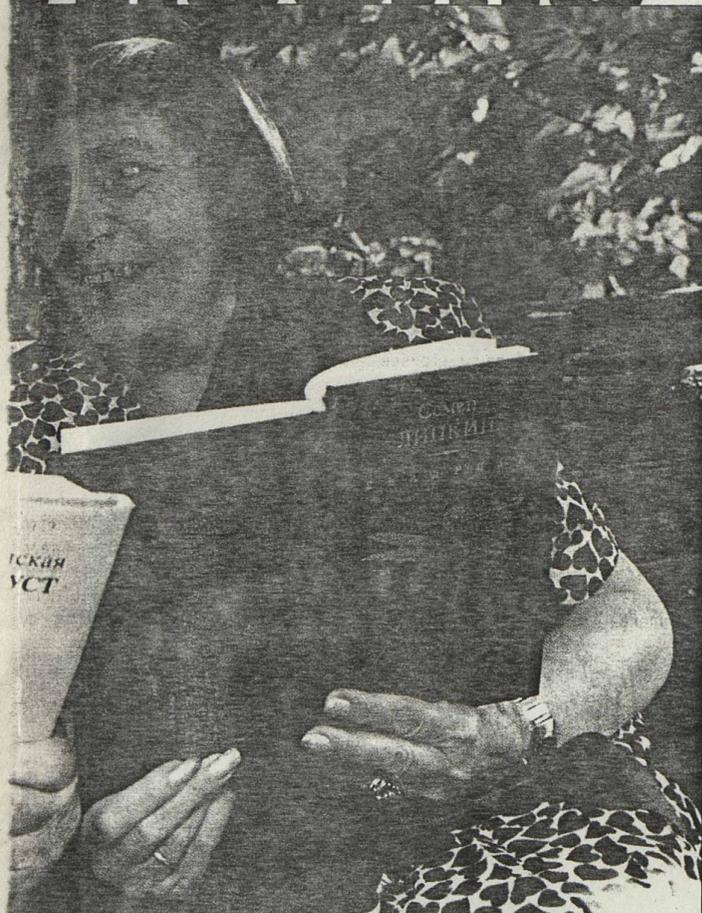
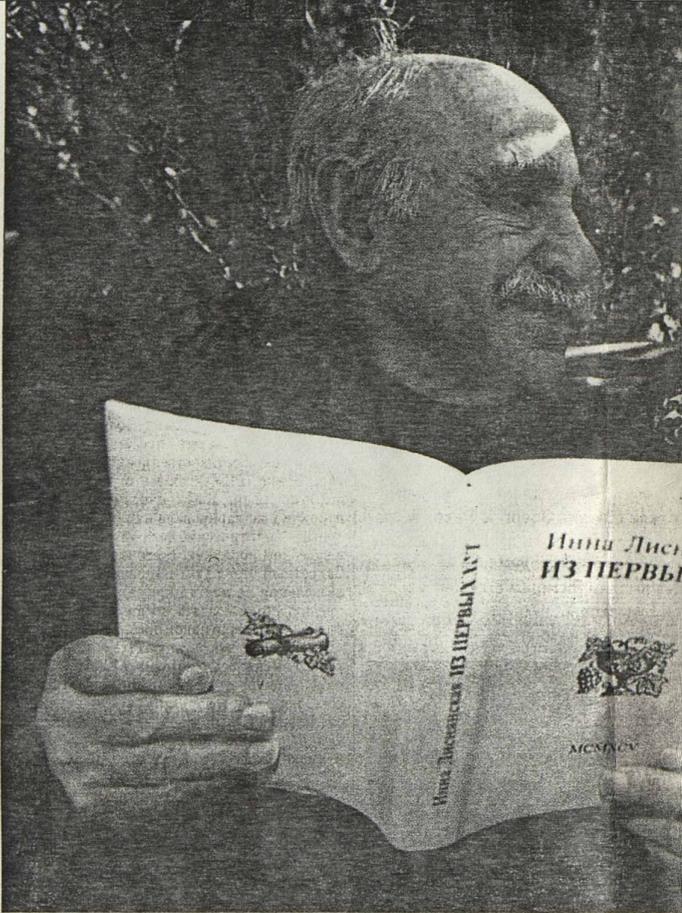
Она: Он не только свои впечатления оставляет. Иногда прямо на полях выставляет отметки: это стихотворение или даже строчка — пять, это — три с минусом. Причем не только мне.

Он: Стихи сыграли большую роль еще при нашем сближении. А началось все с того, что стихи, которые Инна Львовна показала, мне не понравились. Хотя по отдельным строкам я решил, что она гораздо талантливее меня, просто гораздо меньше знает.

Она: А знаете, как интересно получилось с этими стихами? В одном из издательств мне сказали: ничего из того, что вы принесли, мы печатать не будем. Это слишком далеко от народа и чересчур религиозно. Нам не нужны вторые Ахматовы и Цветаевы. А я на это: «Вам и первые не нужны». Но они все же предложили: «Вы много пишете, вот и принесите что-нибудь похуже, а еще лучше — самое плохое, что у вас есть, — тогда напечатаем». В той книжке, по которой Семен Израилевич меня судил, были собраны самые неудачные стихи.

Зато я знала стихи Семена Израилевича еще до нашего знакомства. В те времена его не печатали, но в 62-м году я попала на один вечер в Дом литераторов. Там выступали Арсений Тарковский, Слуцкий, Глазков — главным образом, переводчики, коллеги Семена Израилевича. И помню, как меня поразила поэма Липкина «Техник-интендант». Это замечательное произведение Семена Израилевича на войну, новым ее ощущение, о чем впоследствии говорил Иосиф Бродский.

С того времени, как мы стали жить вместе, я всегда — первый читатель Семена Израилевича. В отличие от Липкина: ведь он может так резко выразиться, что я путаюсь. В моей жизни был период — года два, — когда я совсем ничего ему не показывала, только уже вышедшие журналы.

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

Шокуризм, Семен Израилевич?

С этого вопроса начался роман поэтов Семена ЛИПКИНА и Инны ЛИСНЯНСКОЙ, которые вместе уже тридцать лет и в этом году сыграли свадьбу

Он: Неужели так было целых два года? Она: Вы читали записные книжки Ахматовой? Читаете и понимаешь, что ей было просто невозможно продолжать жить с Гумилевым. Она боялась, что ее будут считать его ученицей. Ничего удивительного, ведь Ахматова — характер, великий поэт, и в своем эгоцентризме, и в построении своей биографии. Кроме того, когда она боялась прослыть ученицей, она была молода, чего не скажешь обо мне. Да и кто такая я?

Это случилось уже в феврале 97-го. В квартиру Липкина и Лиснянской позвонила Белла Ахмадулина. На вопрос о том, где хозяйка, женщина, которая помогает поэтам по дому, ответила: «А их нет. Ведь у нас такое событие, такое событие». Ахмадулина перезвонила позже. «Что случилось?» — «У нас радостное событие» — «Премия, что ли?» — начала гадать Белла Ахатовна. Да так и не угадала. Дело в том, что после тридцати лет совместной жизни Инна Львовна и Семен Израилевич официально зарегистрировались. Свадьбу сыграли три дня. Один из гостей, писатель и старый друг семьи Евгений Попов, упомянул о ней в колонке светских событий и тем самым превратил факт семейной жизни в факт светской хроники.

Он: На самом деле мы стали жить как муж и жена в 67-м году. Но в прежней семье у меня было четверо детей, и я не сразу смог их оставить. Более того, я дал слово жене, что никогда с ней не разведусь. И слово держал, хотя уже понимал, что это ошибка. В 78-м я ушел к Инне Львовне окончательно. Но тут началась история, связанная с альманахом «Метрополь», нас преследовали. И я, честно говоря, боялся, что если начну дело о разводе, это повредит всем.

Сегодня мне уже много лет. Помните, как мужики говорили о Льве Толстом: «Там его давно ждут». Я, конечно, не равняюсь с Толстым, но меня тоже уже ждут. Я решил, что настала пора завершить затянувшееся дело. И первым делом купил Инночке кольцо.

Она: Теперь, когда у Семена Израилевича плохое настроение или он на меня рассердился, я всегда показываю палец и колечко, и мы начинаем смеяться.

Вначале я очень переживала, что наши отношения не были узаконены. Но вскоре привыкла: мы живем под одной крышей и слава

Инна ЛИСНЯНСКАЯ
Мы беседуем ни о чем. На краю полубелых ночей Соловей поет над ручьем, А ручей, как всегда, ничей.

Жениховского торжества Соловьиная канитель, — И над нами звенит листва, Образуя туннель

В те пенаты, где вдосталь жрем Общепитовскую бурду, Вчуе связывая с соловьем Тягу к собственному гнезду.

Ты — ничей, да и я ничья, — Дети по свету, — кто куда... Соловей поет у ручья, И, как сердце, дрожит вода.

1997

Богу. Даже отговаривала Семена Израилевича от этой затеи, вроде мы уже стары для этого. Но когда наконец обратилась в официальную жену, то почувствовала какое-то облегчение. И радость. Да и Семен Израилевич — он во всем любит порядок — стал спокойней.

Сама я смогла оставить прежнюю семью гораздо быстрее. Хотя моя дочь, ныне писательница Елена Макарова, была моложе детей Семена Израилевича, ей было всего шестнадцать. Но жить во лжи для меня всегда было невозможно. Да и вообще я прытче.

Он: Еще молодая дэшня. (Смеется.) Как-то утром, много лет назад, Семен Израилевич вышел из дому. У него тогда только начиналась так называемая грудная жаба, и на свежем осеннем воздухе сразу скалос сердце. Прежде чем пойти куда-то по делам, Семен Израилевич постоял минутку-другую на ступеньках у парадного. Вдруг — проходит мимо него человек огромного роста. И говорит, показывая на Семена Израилевича пальцем: «У вас есть поэмы, у меня есть поэмы. Вы великий поэт, я великий поэт. Меня зовут Рейн». Так Семен Израилевич «познакомился» с поэтом Евгением Рейном.

Он: Спустя много лет Рейн пригласил меня участвовать в литературном и абсолютно аполитичном альманахе. Он назывался «Метрополь». С еще одним «метропольцем», Василием Аксеновым, я тогда почти не был знаком, знал его как сына Евгения Семеновны Гинзбург. В ее однокомнатной квартире, в то время принадлежавшей Аксенову, все и произошло.

«Метропольцы» были гораздо моложе меня. Инна Львовна, хотя и старше, скажем, Ахмадулиной, но они принадлежат к одному литературному поколению. Другое дело — я. Не случайно Аксенов потом вывел меня в одном из романов как «грузина», единственно старика в компании.

Тот, кто не внимаает Богу, — унижится. В нашем обществе этот постулат восприняли атеистически: «Кто был ничем, тот станет всем».

Это, безусловно, не значит, что если какой-то человек живет богато, он обязательно циник. Даже при том расщеплении жизни, какое сегодня происходит, мы живем нормально, мы не нищие. И наш разговор с большинством враз разбогатевших — это не разговор нищего с богатым, а разговор идеалистов с циниками.

Он: Любовь — это не только отношение мужчины к женщине и детей к родителям. Самое главное, это понимание того, что любовь есть Бог, а Бог есть любовь. Надо просто любить Бога и его создания.

Циник не может любить никого, кроме себя. И жену, и близких он любит только как приложение к себе, как услугу своей любви. Именно из любви к себе рождается тоталитаризм и национал-социализм. Такие люди встречались всегда. Но, как мне кажется, сегодня их особенно много.

Мы как будто завоевали абсолютную свободу, но при этом утеряли чувство любви к человеку. В первую очередь, благодаря атеизму. И главным образом — атеизму воинствующему. Когда я был ребенком, я сам видел, как грабят церкви, выносят оклады, какой это разврат для человека. Это был конец любви. Поэтому сегодня только любовь спасет нас.

Она: А никакая не красота. Вот посмотрите на Окуджаву, он был моим другом почти сорок лет. Он все время повторял: «Я атеист, я не верую». Но если бы он действительно не веровал, откуда бы возник «Надежды маленький оркестрик под управлением любви»?

На следующий день после похорон Булата Олगा, его вдова, пришла к нам в Переделкино. Я вспоминала наши первые встречи. Ей было интересно, ведь мало кто знал Булата так же долго, как я, с 57-го года. Мы обсуждали планы открытия музея Окуджавы. По всей видимости, им станет дом в Переделкине.

В 1979 году, после выхода альманаха «Метрополь», на головы его составителей посыпались обвинения. Двух самых незащищенных — Виктора Ерофеева и Евгения Попова — исключили из Союза писателей. Липкин и Лиснянская вышли из Союза в знак протеста. И тем самым Семен Израилевич ни много ни мало подорвал дружбу братских советских народов. Его, одного из

Он: А меня этого альманаха в первую очередь привлекал заверениями в том, что не будет никакой цензуры, никто не будет ничего вычеркивать. Для меня, как для идеалиста, это казалось самым важным.

И в таком разговоре — о любви — надо различать два понятия: идеализм и цинизм, два типа людей — идеалистов и циников. «Кто был ни с чем, тот станет всем» — это присутствует уже в Библии. Тот, кто слушает Господа Бога, пусть он нищ, возвысится.

Юнна ЧУПРИНИНА